

РИТМЫ ЕВРАЗИИ¹

Работа выдающегося русского мыслителя Льва Николаевича Гумилева представляет собой начало задуманного им труда об исторических ритмах Евразии. Льву Николаевичу не было суждено завершить «Ритмы Евразии», он успел продиктовать лишь первую, историко-географическую часть своего эссе...

«Ритмы Евразии» стала последней работой Л.Н. Гумилева. И это глубоко символично. Посвятив всю свою жизнь созданию правдивой картины истории евразийских народов, Л.Н. Гумилев и перед смертью вернулся к этой научной теме. Он был полон желания нарисовать широкую панораму событий евразийской истории в одном очерке, основываясь при этом на созданной им теории этногенеза. Кроме деяний хуннов и тюрков, в этом эссе должна была найти свое отражение история монголов, татар и русских, то есть всех народов, с которыми были связаны эпохи интеграции Евразийского континента. Выполняя волю Льва Николаевича, я передаю эту работу для публикации в том виде, в каком она была им одобрена. Думается, что и не будучи завершенным, этот труд Л.Н.Гумилева представит огромный интерес для русских читателей. Лев Николаевич верил, что та эпоха распада, которую евразийская целостность переживает сейчас, сменится эпохой интеграции и созидания. Ведь исторические силы нашего народа далеко не исчерпаны.

В. Мичурин.

---

¹ Статья любезно предоставлена Общественной организацией «Фонд Л.Н. Гумилева».

I

Задача районирования ойкумены в исторический период связана с определенными трудностями. Традиционное деление на континенты (Европу, Азию и т. д.) представляется нам несколько огрубленным и не соответствующим достигнутому уровню осмысления исторических сведений. Действительно, деление на континенты проводилось по физико-географическим критериям, причем основным разделительным элементом являлись моря: так, Африку от Европы отделяет Средиземное море. Однако для греко-римского мира (суперэтнуса) Средиземное море было не преградой для общения, а наоборот, способствовало включению Северной Африки в орбиту античной цивилизации. Из приведенного примера видно, что этнографы не могут удовлетворять только орографические подразделения территорий. Жизнь суперэтнических образований протекает в особых месторазвитиях, выделение которых требует знания исторической географии в аспекте связи «этнос — ландшафт».

Так, огромный массив суши, включающий Азию, Европу и Африку, по сути, делится на ряд субконтинентов, то есть месторазвитий, в которых проживают отпущенный им срок те или иные суперэтноты. Естественно, эти суперэтноты с течением времени меняют свои формы, но основной принцип их связи с ландшафтом остается. Этногенез есть прежде всего процесс активной адаптации человеческих коллективов в среде — этнической и природной, причем ландшафтная среда заставляет людей вырабатывать комплексы адаптивных навыков — этнические стереотипы поведения¹. Следовательно, неповтори-

---

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

мое сочетание ландшафтов, в котором сложился тот или иной этнос, определяет его своеобразие — поведенческое и во многом даже культурное. Таким образом, если мы хотим составить представление об этносе, нам нужны этногеографические исследования — выделение и изучение его месторазвития.

Важно отметить, что внутренние моря как раз довольно редко отделяют месторазвития друг от друга. Чаще такую роль играют труднопроходимые области суши. Иногда граница проходит по воздуху: так, Западная Европа отделяется от евразийского пространства отрицательной изотермой января (к востоку от этой границы средняя температура января отрицательна). Юго-западная окраина Евразийского материка (в широком смысле), включающая в себя Сирию и Аравию, составляет единое месторазвитие с Северной Африкой, сходной в ландшафтном отношении. Индия — субконтинент, надежно изолированный от остальной Азии горами, пустынями и лесами. Особый восточный субконтинент Азии — это Китай, отделивший себя по климатической границе от Центральной Азии «Великой стеной».

Однако следует различать районы долин великих рек — Хуанхе и Янцзы — и приморские районы Дальнего Востока, лежащие северо-восточнее и включающие многочисленные острова. Это разные месторазвития. Своеобразный этнографический мир представляет собой Юго-Восточная Азия (южнее Китая), служащая примером не разделительной, а соединяющей роли внутренних морей. Что же касается северной Евразии, точнее, ее циркумполярной зоны, то она отделена от центральной части континента непроходимыми массивами тайги, по которым как дороги идут реки. Зимой по льду этих рек можно передвигаться на значительные расстояния. Географические условия каждого из перечисленных ланд-

шафтных «миров» неповторимы и оказывают всестороннее воздействие на обитателей региона. Подробнее мы остановимся на одном из месторазвитий Евразийского континента, а именно — на его внутреннем, центральном районе, или Евразии в узком смысле. Она также представляет собой этногеографическую целостность, населенную народами, адаптированными к ее ландшафту. Именно этот регион далее по тексту мы будем называть Евразией.

Евразия с юга ограничивается цепями гор (Кавказ, Копетдаг, Памир, Тянь-Шань), с севера — массивами тайги, с запада — уже упомянутой отрицательной изотермой января, на востоке граница Евразии наиболее определена, так как она была отмечена «Великой стеной». Надо сказать, что из всей имеющейся на планете суши Евразия является самым «континентальным» регионом, гигантской территорией, в достаточной мере удаленной от всех океанов и морей (единственное море, примыкающее к Евразии, — Каспийское, если не считать ныне почти уничтоженное Аральское море).

В широтном направлении в середине Евразии лежит пустыня — на востоке Гоби, на западе Бетпак-дала. Ширина этой пустыни зависит от ее увлажнения с востока муссонами, а с запада — циклонами. При обильном увлажнении это относительно неширокая полоса суши, но стоит циклонам или муссонам переместиться на север, в район тайги, пустыня расширяется. Влажные степи превращаются в сухие, сухие степи вытесняют культурные земли. Особенно это заметно на юго-восточной границе, где Евразия соприкасается со Срединной равниной — Китаем. Максимум усыхания степи на границе с Китаем имел место в III в. н. э.

При аналогичном применяемому нами, но более удобном подходе Евразию следует разделить на три региона:

1) Высокая Азия — Монголия, Джунгария, Тува и Забайкалье. В целом в Высокой Азии климат довольно сухой, но в горах увлажнение достаточное.

2) Южный район, охватывающий территории нынешнего Казахстана и Средней Азии, простирается от Алтая до Копетдага. Этот район подвержен аридизации; жизнь там возможна при круглогодичном кочевании в долинах рек и оазисах (если, конечно, не говорить о современных системах ирригации и искусственных ландшафтах городов).

3) Западный, наиболее влажный регион включает Восточную Европу. Здесь имеется плодороднейшая полоса черноземов, а также весьма благоприятная для жизни лесостепная полоса.

Такова в самых общих чертах географическая среда, в которой протекала многотысячелетняя история взлетов и падений континентальных народов — история Евразии.

II

Долгое время бытовало мнение, что лес и степь находятся между собой в оппозиции: степняки и лесовики борются друг с другом. В этнокультурном, аспекте это мнение глубоко ошибочно: как степняки нуждаются в продуктах леса, так и наоборот. В течение 2—3 тысячелетий степняки кочевали на телегах, которые можно сделать только из дерева, и смазывали их дегтем — тоже лесным продуктом. Из одного этого факта видно, что народы степи и леса были связаны между собой тесными экономическими взаимоотношениями. Военно-политические контакты между ними тоже не сводились к голому противоборству. В самом тревожном XII веке на Русь было 27 набегов половцев по соглашению, с теми или иными рус-

скими князьями, 5 — по собственной инициативе половцев и 5 нападений русских на половцев. Впоследствии количество набегов несколько сократилось, так как золотоордынские ханы следили за своими подчиненными, чтобы те не слишком грабили налогоплательщиков. Подробно вопрос о якобы врожденном антагонизме леса и степи разобран в моей книге «Древняя Русь и Великая степь»¹. А для нашей темы важно, что мы можем говорить о западной части Евразии (или Восточной Европе), как степной, так и лесной, как о едином этногеографическом и экономическом целом.

III

Население любого региона, в том числе и Евразии, в существенно большей степени лабильно, чем географические условия. Народы (этноты) возникают и исчезают, ареалы их проживания расширяются и сужаются. При этом расовый состав населения более стабилен, нежели этнический.

Восточная часть Евразии населена монголоидами (в древности — тюрками, начиная с XIII века — монголами). Южную ее часть занимают по большей части метисированные популяции: смесь монголов, тюрков и иранцев. Западная часть населена славянами и угрофиннами. (последние живут в основном в верховьях Волги и прилегающих районах).

Надо сказать, что в Среднюю Азию тюрки начали проникать еще в VI веке н.э., а название Туркестан она получила в XV веке. Тогда же, начиная с V века, тюркский народ — хунны — форсировал Волгу и Дон и расселился

---

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989.

в южноевропейских степях, правда, ненадолго. С IX века в связи с участившимися засухами в центральной Евразии в эти же степи переправилась часть печенегов, половцев и черных клобуков (каракалпаков), тем самым заполнив экологическую нишу. С VIII века в собственно евразийские регионы с Запада распространились славяне, которые заняли Поднепровье и бассейн Волхова.

Все перечисленные народы следует считать аборигенами Евразии, так как их переселения носили характер простых передвижений в пределах своего или сходного этноландшафтного региона, к природным условиям которого они были естественным путем приспособлены. Иноземные же вторжения на территорию Евразии происходили редко и имели незначительный успех. Так, китайцы до XIX века не смогли расселиться к северу от «Великой стены». Арабы, захватив Среднюю Азию в VIII веке, или вернулись домой, или смешались с аборигенами. Евреи, которые использовали караванные пути как экономические артерии, создали на территории Евразии только несколько колоний (крупнейшая и наиболее известная из них — Хазарский каганат). Они были элиминированы местным населением к X веку. Заметим, что мы не можем согласиться со взглядами А. Кестлера, автора теории «тринадцатого колена израилева», считавшего восточноевропейских евреев автохтонами. Этот взгляд не соответствует историческим фактам¹.

Вторжения представителей западного суперэтноса (немцев, шведов, поляков и т.д.) были эпизодическими и не увенчивались конечным успехом. В силу всего изложенного мы можем рассматривать Евразию не только в географическом аспекте, но и в этническом как единое целое, достаточно резистентное, чтобы отторгать внешние

---

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989.

элементы. Но это не значит, что в самой Евразии не происходило внутренних перемен — то есть процессов этногенеза. Их легко отличить по пульсу этнической истории. При пассионарном подъеме и образовании нового этноса идут процессы интеграции и экспансии новой системы в пределах Евразии. И наоборот, при спаде уровня пассионарности (энергии живого вещества биосферы) некогда великие державы рассыпаются, и образуются мелкие орды и княжества, которые несут функции государств.

IV

Евразийская древность освещена исторически слабо. Так, нам известно, что в Северном Китае с XV по XI век до н. э. существовало государство Шан или Иль — потомки «ста черноголовых семейств». Это было культурное рабовладельческое государство с очень жестким режимом и большим количеством нарастающих противоречий между аристократами и закабаляемой беднотой. В середине XI века до н.э. (предполагается 1066 г.) с этим государством вступило в резкое противоборство племенное объединение из Шэнси, отличавшееся от древних китайцев как стереотипом поведения — повышенной воинственностью, так и расовым типом: у них были каштановые волосы, за что китайцы называли их «рыжеволосыми демонами». Одержав победу над династией Шан, эти новые мутанты захватили весь северный Китай, но в VIII в. до н. э. распались. В Китае пошел совершенно самостоятельный, независимый от Евразии процесс этногенеза.

Примерно в это же время (трудно сказать, насколько синхронно) в Семиречье образовался народ, который китайцы называли «се», персы — «сак», а греки — «скифы»; к VIII в. до н. э. он распространился до северных берегов

Черного моря, подчинив себе значительное число степных и земледельческих племен Восточной Европы. Греки называют пять видов скифов: царские скифы, скифы-кочевники, скифы-земледельцы, скифы-пахари и болотные скифы, жившие в устьях Дона. Такое аморфное и даже фигуральное наименование скифов показывает, что они представляли собой довольно большое племенное объединение и имели разнообразные типы адаптации к природной среде. Скифская держава в VII—V веках до н. э. была крупной и могущественной: скифам удалось разгромить персидскую агрессию царей Ксеркса и Дария, а также македонский набег полководцев Зопириона. Однако к III в. до н. э. все изменилось; новый пассионарный толчок вызвал к жизни два новых народа: хуннов в Высокой Азии и сарматов в Западной Азии. Сарматы оказались злейшими врагами скифов. Они победили их в истребительной войне и удержали у себя земли Причерноморья и Прикаспия.

Обитавшие на востоке Великой степи хунны объединили племена восточных кочевников (дун-ху), Южную Сибирь (Туву) и Джунгарию — область усуней. Силы Хунну и Китая были несоизмеримы, но, тем не менее, хунны добились выгодного для себя договора «мира и родства», предусматривавшего обменную торговлю с Китаем. С 209 г. до н. э., когда состоялось объединение хуннов, по 97 г. до н.э. держава Хунну неуклонно растет и одерживает победы. Затем, однако, хунны ослабевают, а Китай, несмотря на понесенные им поражения, начинает доминировать над ними.

В I в. н.э. происходит раскол хуннов. Распавшаяся держава к тому же получила жестокий удар от восставших подданных — сяньбийцев, динлинов и усуней. В 93 г. н. э. хунны потерпели поражение и отступили через горные проходы на запад. Туда ушли только самые «неукротив-

мые» (то есть пассионарные) хунны. Часть хуннов — «малосильные» — предпочли спрятаться в лесистых ущельях Тарбагатая. А «тихие» (лишенные пассионарности) хунны подчинились сяньбийцам и императорскому Китаю. Таким образом, политическая мощь Хунну пала, и держава развалилась на части. Но эти части были неравноценны. Наиболее пассионарная часть хуннов («неукротимые») сумела оторваться от своих противников — сяньбийцев и приобрести новых союзников — манси (вогулов), которые в те времена были народом достаточно пассионарным. Кроме того, хунну, нуждаясь в женщинах, которых они могли провести с собой походным порядком, добыли себе путем набегов достаточное число жен и разместились в низовьях Волги и Яика.

V

Вместе с тем на рубеже новой эры (около 8 г. до н. э.) западную окраину Евразии задел меридиональный пассионарный толчок, вызвавший ряд событий — распространение христианства, великое переселение германских народов и падение Западной Римской империи, заселенной в результате варварами. Этот пассионарный толчок вызвал экспансию готов с южных берегов Швеции, славян в верховьях Вислы, восстания даков в современной Румынии, а также евреев в Палестине. Восстания даков и евреев были подавлены римлянами с большим трудом, но с другими следствиями толчка они справиться уже не смогли.

Западную окраину Евразии захватили остготы, которые подчинили себе пассионарных ругов и славян (антов). Но тяжелее для них была война с гуннами (название «гунны» принято для обозначения западной ветви

народа хунну). В 370 г. н.э. гунны сломали сопротивление сарматов, «истомив их бесконечной войной» (как писал Аммиан Марцеллин), перешли через Дон и столкнулись непосредственно с готами. От готов отложились руги и анты (славяне), которые предпочли гуннскую власть своеволию готов. Испытав столь мощное давление, готы частично подчинились гуннам, а частично ушли в Западную Римскую империю (вестготы), где у них была своя, нас не интересующая судьба.

Поначалу гунны поддерживали римских рабовладельцев (во время подавления восстания багаудов). Однако такой союз явно не мог быть прочным. Настал момент, когда гунны поссорились с Римом и, подавив сопротивление федератов (римских союзников), в 451 году вторглись в Галлию. Гунны приняли бой на широкой равнине около Орлеана — на Каталаунском поле, причем некоторые германские племена сражались на стороне гуннов, а некоторые — на стороне римлян. Кровавая битва окончилась вничью, но гунны после нее отступили и перенесли удар на Северную Италию. Папе римскому Льву I удалось договориться с вождем гуннов Атиллой о том, чтобы он отвел войска. Война прекратилась, а на следующий год Атила умер в своем шатре, в объятиях молодой жены. Атила оставил 70 человек детей, которые вступили между собой в борьбу за престол.

Этим воспользовалось готское племя гепидов, которые нанесли гуннам поражение и заставили их очистить Паннонию. На реке Недао (Недава) произошла решительная битва, в которой погиб любимый сын Атилы Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Последний удар гуннам в спину нанесли в 463 году болгары сарагуры, после чего гунны откатились обратно на восток и остатки их осели на Алтае.

VI

Не менее интересна история хуннов в Китае. Династия младшая Хань, выродившаяся и передоверившая власть евнухам, изымала из хуннских кочевий аристократов и учила их китайскому этикету и культуре. Но так как при дворе императоров единства не было, а партии боролись между собой, то хуннский царевич Лю Юань-хай, сын предпоследнего шаньюя (вождя), сбежал от китайского двора в свои кочевья. В кочевьях он застал мощные антикитайские настроения, потому что немногочисленные хунны устали терпеть унижения и несправедливости со стороны китайцев. Как только они обрели вождя, они решили восстановить «утраченные права». Восстание началось в 304 г. н. э., а к 317 году обе китайские столицы — Лоян (восточная) и Чан-Нага, (западная) — попали в руки хуннов. Лю Юань-хай скончался, оставив своему сыну две боеспособные армии и налаженную систему управления Китаем.

Беда была в том, что китайский канцлер был патриотом Китая, ненавидящим хуннов, а наследник, царевич Лю Цань, был воспитан как хунн. Дело в том, что у китайцев многоженство существует, и все жены отца считаются матерями его детей, тогда как у хуннов при многоженстве младший брат наследует жен старшего, а старший сын — всех жен отца, кроме своей матери. Хунн обязан заботиться об овдовевшей женщине, а китаец не может поднять глаз на женщину, которую он обязан считать своей матерью. Вот потому, когда Лю Цань посещал молодых вдов своего отца, с точки зрения хунна он оказывал им законное внимание, а на взгляд китайца — производил неслыханный разврат. Эта психологическая разли-

ца поставила китайскому канцлеру Цзинь Чжуну задачу произвести переворот, покончить с хуннским царевичем и передать власть в руки китайцев.

Как только об этом узнали хуннские боевые генералы, они взяли столицу, покончили с бюрократами и основали два царства, немедленно схватившиеся между собой (Чжао и Младшая Чжао).

Тут надо отметить, что этнический состав самих хуннов был неоднороден. Еще во времена Ханьской империи к хуннам бежало много китайцев от ее гнета. Хунны принимали их, но не включали в свою родовую систему, а просто позволяли жить рядом, называя их «кулы». «Кулы» говорили по-хуннски и, естественно, мешались с хуннами, но сохранялись как своеобразная общность. Так вот, одна их противоборствующих армий состояла из «кулов», а другая — из хуннских родовичей. После нескольких столкновений «кулы» победили но эта победа не пошла им на пользу. Приемный сын хуннского царя, горячий китайский патриот, провел геноцид против хуннов, истребив их по всей территории империи «Младшая Чжао». Уцелевшие хунны подняли восстание, объединились с сяньбийцами муюнами, опиравшимися на Маньчжурию. Совместные хунно-сяньбийские войска разгромили в 352 г. китайского узурпатора-убийцу и захватили его в плен. Господами северного Китая стали сяньбийцы муюны.

IV век н. э. в Северном Китае был слишком мятежен и беспокоен для того, чтобы там жить. Поэтому многие люди эмигрировали в Великую степь, которая перестала усыхать и стала покрываться травой. Эти полиэтничные переселенцы создавали банды, облагая данью других, миролюбивых, кочевников и совершая набеги на Северный Китай. Разномастное скопище людей, занимавшихся в

Великой степи грабежом и отчасти скотоводством, получило название орды «Жужань». Существовала она до середины VI века, когда была разгромлена своими вассалами тюрками. Создание жужаньской орды было типичным проявлением фазы надлома, наступившей в степном суперэтнотесе после распада хуннской державы.

В конце IV века государства муянов (Янь), хуннов (Ся) и тибетцев (Кянь) стала захватывать орда табгачей, очень воинственного и храброго племени. Но, к сожалению, табгачское ханство превратилось в северо-китайскую империю Бэй-Вэй, в свою очередь, развалившуюся на четыре части: Ци (в Ляо-дуне), Чжоу (в Шэнси), Лян (в центральном Китае) и Чэн (в Южном Китае).

Судьбы степного мира и Китая вновь разошлись. В VI в. степной суперэтнос стал наконец выходить из затяжной и тяжелой фазы надлома. В степи вновь появилась интегрирующая сила в лице небольшого, но очень активного и дисциплинированного этноса древних тюрков.

VII

Тюрки в 552 году объединили вокруг себя не только кузнецов, каковыми они являлись, но и кочевые племена теле. В столкновении с тюрками жужани потеряли всю свою воинскую элиту (аристократией ее не назовем), а уцелевшие либо подчинились тюркам, либо сбежали в северо-восточный Китай. После этого тюрки провели операцию по объединению всей Великой степи: на юго-восток до Китайской стены, на юго-запад до Амударьи, на запад до нижнего Дона, где им подчинились утригуры, огоры (угры) и хазары. Создание тюркского каганата и объединение им Великой степи знаменовало собой наступление новой фазы этногенеза — инерционной. При этом

свое слово сказала природа: западные тюрки организовали свою державу на территориях, орошаемых атлантическими циклонами. Им нужно было каждое лето посылать молодых людей в прилегающие к Средней Азии горы на заготовку кормов, тогда как старое поколение оставалось в низинах. Восточный каганат пользовался муссонным увлажнением Тихого океана и вынужден был прибегать к круглогодичному кочеванию. Естественно, что постоянно кочующие тюрки были более организованы, чем отделившиеся каждый год свою молодежь западные тюрки.

Западных тюрков называли «десятистрельными»: каждый вождь получал символ владычества — «стрелу» и руководил своим родом. Союзниками тюрков были хазары, тогда еще не соприкасавшиеся с иудаизмом. Они принимали у себя на Волге усталые караваны, снабжали караванщиков пищей и женщинами и давали им возможность отдохнуть перед новым тяжелым переходом через Кавказ в Византию.

Противниками тюркских караванщиков были персы, взимавшие с них большую пошлину. В 589 г. персидско-тюркские противоречия вызвали войну между этими народами, в которой персы победили.

Постоянное смешение тюрков и хазар, создававшее значительное перемещение пассионарного генофонда от первых к последним, дало возможность хазарам отразить арабский натиск в VII веке. Пассионарность арабов была к тому времени исключительно высока вследствие пассионарного толчка V в. н.э. (около 500 года), поднявшего их. В VIII веке арабам удалось вытеснить тюрков из оазисов Средней Азии. Армия завоевателей, мобилизованная в основном из персов, убивала всех мужчин, а женщины давали от агрессоров потомство, легшее в основу современного этноса таджиков.